

КАРПОВ ФЁДОР МАКСИМОВИЧ

мандиром отделения 46-й бригады лыжников-автоматчиков. В январе 1942г. был тяжело ранен, лечился в г.Казани.

Фёдор Максимович вспоминает: «Бои были жестокие. Нас, курсантов, использовали так: мы пропускали немецкие танки, а пехоту, которая шла за танковой колонной, мы должны были уничтожать. Что мы и делали. Мы – это лыжники-автоматчики. Нас было 320 человек. Мы обстреливали из автоматов немецкую пехоту. Когда танки поворачивали, то немецкие пехотинцы обстреливали нас. Там полегли почти все курсанты нашего училища. После боя оставшиеся в живых курсанты и санитары обходили поле боя и собирали убитых и раненых. Подошли ко мне, пошевелили, слышу: «Живой». Погрузили меня на санки и в деревню. Несколько дней лежал на полу в избе. Сняли сапоги, проверили ранение – оказалось – нога раздроблена. Затем нас всех раненых в этом бою погрузили в машины и увезли в госпиталь в Москву. Я пролежал там месяц, потом перевезли в Казань, где я проле-

Родился 23 февраля 1922 г. в г. Уржум Кировской области. Окончил неполную среднюю школу и ФЗУ в 1937г. Работал слесарем, судомашинистом на судоремонтном заводе им. Кирова до 1939 г. С 1939 г. по июль 1941г. – курсант Львовского военного училища. В декабре 1941 г. всё училище во главе с полковником Давыдовым, капитаном Петрищевым и командиром взвода Крамаренко было направлено на защиту Москвы. Кроме Львовского, ещё 2 таких же военных училища участвовали в этой жестокой битве. Карпов Ф.М. был ко-

жал полгода. Выписан был в июле 1942 г. инвалидом II группы. Военный фельдшер Микрюков отвёз меня в г. Уржум, где меня забрали родители. Они жили в деревне Гришино. В этой деревне я пробыл 2 года, нога не заживала, т.к. были раздроблены коленный сустав и берцовую кость.

Всё равно я окреп и стал у работать инструктором в райсполкоме».

Будучи непригодным к военной и фронтовой службе, Фёдор приехал на Дальний Восток в г. Совгавань, работал секретарём ГК ВЛКСМ. В Находке с 1947 года.

Окончил партийную школу в г. Владивостоке. Работал на руководящей работе в НБАМР, во Владивостоке, внештатным лектором общества «Знание».

С 1984 года на пенсии, неоднократно избирался депутатом городского совета, членом бюро ГК КПСС. Имеет награды: орден Отечественной войны, медали: «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», все юбилейные медали.

— Я иногда думаю, почему дорога к счастью и покою в душе у всех такая долгая? А нашему поколению и вовсе досталось. Почему мы шли вперёд нередко ценой собственных ошибок и не восполнимых потерь? Почему мы позволяли себя обманывать це-

льые десятилетия и искренне верили, что нужно перетерпеть, ещё чуть-чуть поднажать, чтобы не отстать от других?

Сам себя заведу, разозлюсь и сижу, как сырь, надуввшись. Посижу — посижу и тихим ходом размышляю назад. Да, думаю, верили Сталину, так, ведь, и страну из разрухи подняли в 40-х. Да, соплю дальше, вечно мы в каких-то социалистических соревнованиях участвовали, повышенные обязательства на себя принимали, так, ведь, и заводы сортами людей не выгоняли в те годы, а безработных и вовсе не было. И чем дальше сижу, тем больше хорошего вспоминаю. Ведь в те годы мы были молоды. А в молодости трудности воспринимаются иначе. Бот уже и до песен у костра дошёл, танцев в поселковом клубе. Нет, всё в нашей жизни имеет свое время и значение.

Надпись на обороте

Посылаю дорогим родителям, сестре Тане и Венкишину для воспоминания б/член семьи нашей Фёдор Понамарёв и я, 7.11.41 г.

ПОВЕСТЬ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

– Ну что. Пошли? – сказал командир и первым шагнул из землянки в метель. Посыпались мы за ним, как горох. Молодые – большинству 19-20 от роду.

В бригаду автоматчиков-лыжников слабых не брали, смелые – знали, что две трети в снегу останется, но шли. А за три дня до этого первого похода к Волоколамскому шоссе мы шли по заснеженной Красной площади – 46-я отдельная бригада автоматчиков-лыжников удостоилась почётного права принять участие в параде 7 ноября 1941 года. Много лет спустя, когда впервые увидел кадры из хроники того парада, где шёл и я вместе с боевыми друзьями, не мог сдержать слёз. Ведь в тех боях за Москву вся бригада, счи-таяй, полегла. Лыжники отсекали немецкую пехоту, пропуская танки, и пытались задержать наступление. Из окопов били по немецким танкам и наши гибли от осколков. Немецкая пехота рвалась на Москву и патроны не экономила. Потери среди наших были очень большие. 31 декабря 1941 г. меня ранило третий раз, да так, что через полгода из госпиталя в Казани меня, как инвалида 1 группы, привезли к родителям с двумя костьюлями и негнущейся ногой.

Родом я из маленькой деревушки Гришино Уржумского района Кировской области. Такой зате-

рянной, что и в 38-м, когда мне уже 16 исполнилось и я, выпускник ФЗУ со справкой слесаря-судомашиниста, отправился в Вятское речное пароходство, света в деревне ещё не было. Сюда же, в деревню, я и вернулся. Лечили меня травами всем миром. И ведь поставили на ноги. В июне 42-го молодой, красивый, хоть и хромой, старший лейтенант запаса, выпускник Уржумского педучилища (перед самой войной закончил как несостоявшийся моряк) был принят старшим инструктором в райисполком. Год колесил по району, пока не получил письмо от брата из Совгавани. Звал к себе, писал, что там, хоть и трудно, но интересно. Отпросился я у председателя исполкома и поехал. Думал, на год-два. Оказалось, на всю оставшуюся жизнь.

Три года секретарил в горкоме комсомола в Совгавани, а в 46-м крайком ВЛКСМ направил меня первым секретарём райкома комсомола в Гродеково. Так я оказался в Приморье. Через год вызвали во Владивосток и сказали, что моё место отныне в Находке. Но не в комсомольской организации, а в торговле.

– Милые вы мои, – я аж дар речи на мгновение потерял. – Я же в торговле ничего не смыслю.

– Ничего, не боги горшки обжигали. Научишься, – парировал первый секретарь. – Ты главное, не проторгуйся в первый же день.

И назначили меня председателем рыбкоопа. В декабре 47-го я впервые увидел маленькую баражную Находку и свою Ирину – ей в ту пору ещё 18-и не было. На пыльных полках единственного рыбкооповского магазина стояли одни банки. С крабами. А рядом – крабы живые. И в новом магазине, что открыли вскоре, был тот же ассортимент. Этого изобилия нынешнего деликатеса я не забуду никогда. Недолго я хозяйствовал в рыбкоопе – через год перевели меня заведующим торговым отделом районного Совета.

1949-й – время активного строительства посёлка, дел хватало. И столовая нужна была, и пленных японцев в лагерях нужно было кормить, и доставку продовольствия из Владивостока организовывать – дорог не было, всё везли морем. Оыта не хватало, знаний. Поэтому направление в Приморскую партийную школу было кстати. А в 1952-м я вернулся в город уже заведующим отделом рыбной промышленности Находкинского горкома КПСС. И пошла моя служебная лестница вверх – заведующий организационным отделом горкома, заместитель председателя горисполкома.

Бот эти шесть лет работы в исполнкоме – с 1957 по 1963 годы – считаю самыми главными для себя.

Время-то какое было? Революционное, можно сказать. Именно

в те годы были построены основные здания города 50-60-х – горисполком, управление торгового порта – сам порт уже вовсю гудел, ДКМ и кинотеатр «Буревестник», два первых здания на ул. Ленинской, гостиница «Восток».

Ирина Сергеевна, приехавшая с родителями в Находку ещё перед войной, дома никогда не сидела. В 1954 году уехала в Москву на высшие счётно-экономические курсы, через два года вернулась, и покатилась её бухгалтерская биография. В СМУ Приморского судоремзавода она долгие годы была главным бухгалтером.

... И КОМЕНТАРИИ К НЕЙ

Фёдор Максимович не очень любит вспоминать, что в то время работать было не только интересно, но и очень трудно. Тем более членам КПСС, дисциплина в органах которой напоминала армейскую «Приказываю» – «Есть». И понятия «нравится – не нравится» просто не существовали. За попытку иметь собственное мнение можно было угодить под суд. А заветы товарища Сталина долго чтились и после его смерти, что уж говорить о 40-х. Именно в 40-е был репрессирован отец Ирины Сергеевны. Зять, Фёдор Максимович, даже и подумать не смел, что 10 лет лагерей дали родственнику ни за что. А чего стоили разгово-

Завещано помнить

С женой Ириной (40 и 48 лет),
1970 год

ры с японскими военнопленными нормальным человеческим языком? Отношение к ним в те годы было однозначно отрицательным. Они строили порты и город и рассматривались как дармовая рабочая сила. Фёдор Максимович был в лагерях частенько – лагерь в районе рыбного порта вообще считался его подшефным. Ну не мог он ни грубить, ни хамить пленным – пусть даже в войну воевали они по разные стороны. Потому, очевидно, так запомнился Карпов тем, кто в те годы сидел в лагерях Находки. Не забыли они о нем, и вернувшись на родину. А в 1989 году нашли Карпова и награда за гуманизм и человечность – медаль «За укрепление мира и гуманности Японии», – и благодарственная грамота Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. Президент её Рокуро Сaito,

побывавший в Приморье в том году, вручил её Фёдору Максимовичу со словами признательности и уважения.

Между прочим, в Находке такие грамоты и медали были вручены троим. Ф. Карпов сегодня – единственный живой обладатель этой почётной награды.

А сколько ошибок допустили московские и киевские специалисты, проектировавшие город, не выезжая из столицы. Но сказать об этом вслух даже в те годы – равносильно написать заявление об уходе. Вот и строился город как-то хаотично, без учета роста и перспективы. И Ленинская, построенная в русле реки, и заводы, перегородившие доступ к морю в городской черте, и узкий Находкинский проспект – десятки примеров прежнего бездарного хождествования.

Первый слева гл. инженер, второй начальник
Дальремпрыбфлота Кавырдин В.И.,
сидит Карпова И.С.

– Постепенно в хлопотных обязанностях зампреда я, наконец-то, разобрался. Научился не хвататься за всё подряд, планировать свою работу хотя бы на несколько дней вперёд. Человек я не тщеславный, председателем быть не собирался, да и жёсткости в характере не хватало. Но и менять место работы не собирался. Хлопот хоть и много, но работа живая, с людьми.

За меня, как и многих других, все решила, как всегда, партия.

Циркуляр 1963 года за подпись генсека Хрущева предписывал пересмотреть партийные и советские кадры и тех, чей стаж такой работы свыше 10 лет, с должностей снять, предоставив другую работу.

Тогда это решение понять было трудно. Теперь же думаю, что правильное оно – к власти в любой дозе привыкать нельзя. Я к тому времени проработал в советских и партийных органах 20 лет и написал заявление об уходе в числе первых. Предложили мне новую должность – первого помощника капитана на судах БАМР. Я, как всегда, думал, что на море долго не задержусь. Первый – то опыт бравого моряка блином оказался. Причем в молодости. А тут уже лет немало – и новая попытка.

Ещё как задержался. На рыбакских судах в общей сложности я отработал 19 лет. А тут и пенсионный возраст подошёл, фронтовые раны о себе напоминают. С 94-го сижу дома. «Сижу» – долгое время было относительным. Ещё несколько лет работал на общественных началах в городском обществе «Знание», городском Совете ветеранов. Мне эта работа была по душе, с молодёжью очень нравилось общаться. На судах я не раз бывал за границей и с подростками делился личными впечатлениями о той жизни, а не из газетных публикаций. Последние несколь-

ко лет совсем сдал. Вот Ирина Сергеевна молодец. Кастрюлями с утра до вечера греметь не захотела. Ещё работает. Да и жизнь пошла – не поймёшь. На пенсии прожить трудно.

Тут уж Фёдор Максимович совсем скучавил. Ему его 77 не дашь. Тихого пенсионера тем более не напоминает, а уж когда подрулил к редакции собственоручно за рулём машины, и вовсе засомневались в его возрасте. И искренне порадовались за ветерана, заставившего отступить свои годы, хвори и невзгоды. А их у супругов было немало. Милые, сердечные люди пережили трагедии потери близких и нередко скучают вечерами в своём уютном тёплом доме. Телевизор хозяин смотрит очень редко. Он ворчит, что смотреть почти нечего. Любимая передача «Играй, гармонь» всего два раза в неделю, кино про войну и мирные советские времена редко. А новости, считает он, можно послушать только один раз. Хозяйке и вовсе недосуг перед «ящиком» сидеть – в своем доме забот хватает.

Оба любят, когда в доме гости. По праздникам собирается родня – их с обеих сторон много. Семья Ирины Сергеевны переехала в Находку вся в 40-м, а Фёдор Максимович перетянул на край земли родню за эти годы. У супругов много добрых старых друзей. На мою просьбу вспомнить таких же старожилов города, как он

сам, Фёдор Максимович привез в редакцию список из 30 фамилий с просьбой опубликовать его полностью, чтобы, не дай Бог, кого-то не обидеть невниманием.

Память же у моего собеседника – позавидуешь. Федор Максимович помнит секретарей горкома партии Барсукова и Дубовко, может много рассказать о председателе горисполкома Романе Андреевиче Гальчуна, с кем работал вместе. Его связывали дружеские отношения с начальниками торгового порта С. Казаряном и рыбного — Зверевым. Они дружили и любили вспоминать свою молодость с первостроителем города Марком Ивановичем Фастовым. С бывшим директором Находторга Виктором Дмитриевичем Осиповым они познакомились, когда тот работал продавцом в рыбкооповском магазине, а другой его возглавил. Десятки фамилий уважаемых и известных в городе людей, с которыми у нашего героя далеко не шапочное знакомство. И для каждого у Фёдора Максимовича нашлись теплые слова.

– Времена были очень трудные, а людей хороших куда больше, чем сейчас. Мы помогали друг другу чем могли, делились последним, но никто из помойных ящиков хлебные корки не выпавливал. А сейчас это явление обычное, – тяжело вздыхает ветеран и тихонько ворчит о христопродацах России. Он обязательно

ходит на все митинги на площади, надевает в такие дни ветеран свой парадный пиджак со всеми регалиями. Не столько, чтобы речи слышать, сколько, чтобы увидеть старых друзей, знакомых, о жизни поговорить и пожелать друг другу здоровья и пережить нынешнее лихолетье. По-другому он нынешние времена не называет.

– У каждого в жизни на пути встречается свое перекати-поле, – говорит он. – И на каждом дует ветер и несёт он нас, не спрашивая. Я счастлив, что меня моё поле принесло давно к морю. В Нахodka я нашёл себя и Ирину. И потому жизнь моя так счастливо прошла. Такого же счастья желаю всем, кому по нашим дорогам ещё шагать и шагать.

Наталья Ботчал

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
Свойной покончили мы счёты...
Бери шинель - пошли домой.
Война нас гнула и косила.
Пришёл конец и ей самой.
Четыре года мать без сына...
Бери шинель - пошли домой.
К золе и пеплу наших улиц
Опять, опять, товарищ мой,
Скворцы пропавшие вернулись...
Бери шинель - пошли домой.
А ты с закрытыми очами
Спиши под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
Бери шинель - пошли домой.
Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой?
Неужто клятьсяся днём вчерашним?
Бери шинель - пошли домой.
Мы все - войны шальные дети,
И генерал, и рядовой
Опять весна на белом свете...
Бери шинель - пошли домой.

Булат Окуджава